

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДИСКУССИИ «ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ СТАТИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ»

Экспертная дискуссия «Измерение экономических показателей в российской статистике: проблемы и возможные решения» состоялась 14 января 2017 г. в рамках Гайдаровского форума. Основная цель дискуссии – обсуждение ожиданий экспертного и научного сообществ от российской статистики, в частности от статистики экономического роста.

В рамках экспертной дискуссии обсуждались вопросы:

- В какой мере задачи, решаемые сегодня российской статистикой, соответствуют требованиям времени?
- Как влияют проблемы измерения на выработку мер экономической политики?
- Структура российской экономики и ее отражение в российской статистике.
- Возможные подходы к улучшению российской статистики промышленного производства.
- Отраслевые счета экономического роста Russia KLEMS как прототип статистики факторов производства и выпуска: что получит исследователь с развитием официальной статистической методологии в направлении СНС 2008.
- Научно-технический прогресс в российской статистике: что мы видим и что можем видеть.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

А.Широв, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

На предыдущих форумах мы обсуждали проблемы практического моделирования и прогнозирования российской экономики. И рано или поздно проблема статистики должна была возникнуть. При подготовке этого выступления я решил отказаться от пагубной, на мой взгляд, критики официальной статистики. И задался вопросом о том, чего же хотят исследователи от статистики? Как мне кажется, можно сформулировать четыре довольно очевидных требования:

- 1) объективное отражение экономических процессов;
- 2) регулярность данных;
- 3) достаточность данных;
- 4) сопоставимость данных.

Для меня лично, как для исследователя, это 4 важнейших характеристики. И понятно, что в настоящий момент только формализованная система государственной статистики способна, в идеальном случае, удовлетворять этим требованиям, если она хорошо выстроена и теоретически обоснована. Пока не существует других источников информации, которые могли бы эту задачу решить, т.е. обеспечить полное выполнение этих условий.

Еще один важный момент, который хотелось бы обсудить, – роль статистики в обосновании экономической политики. Понятно, что необходимо использовать расчетные процедуры, кото-

рые должны опираться на фактические статистические данные, отражающие происходящее в экономике. При этом ясно, что анализ действий и бездействий экономических властей в области налоговой, бюджетной, другой политики предполагает оценку не только прямых, но и косвенных эффектов. Это значит, что диапазон данных, которые мы используем, должен быть довольно широким. А кроме того, высокая неоднородность производства, доходов и цен в экономике, особенно в российской экономике, повышает требования к структурному наполнению статистических данных необходимых для разработки структурно богатого инструментария прогнозных расчетов.

Как можно описать текущие проблемы структурного аспекта наполнения статистики? На мой взгляд, главной проблемой текущей системы государственного статистического учета является отсутствие необходимой замкнутости контура «производство – инвестиции – мощности – капитал». Отсюда и возникают, на мой взгляд, бесплодные дискуссии о недостаточности или избыточности свободных производственных мощностей в экономике. Мы не очень хорошо понимаем качество основного капитала, в связи с чем затруднены моделирование и оценка долгосрочного потенциала экономического роста. К сожалению, на это накладывается еще низкокачественная внутригодовая статистика инвестиционной деятельности.

Еще одна проблема – проблема с кодами ОКВЭД крупнейших российских предприятий. Например, при расчете параметров налоговой нагрузки на отдельные виды экономической деятельности возникают тяжелые методические проблемы, которые мы безусловно пытаемся решать, но хотелось бы, чтобы они решались не на уровне исследователя, а на уровне статистики.

Также слабо разработаны структурные компоненты статистики потребления населения. Мы видим потребление населением отдельных видов товаров, но, например, потребление отдельных доходных групп мы видим слабо. Есть некоторые оценки, которые делаются на основании опросов, но полная, ясная и прозрачная картина происходящего отсутствует.

Официальная статистика содержит большое количество негармонизированных данных о занятости: о численности работников, замещенных рабочих мест, занятых в экономике и т.д. При этом есть масса форм, которые перекрывают или повторяют друг друга, в результате чего возникает определенный информационный хаос. И если неподготовленный исследователь пытается работать с данными, опубликованными на сайте Росстата, то возникает масса ошибок и неточностей.

И, наконец. Необходимо опубликовать таблицы «затраты – выпуск». Я понимаю, что это проблема не Росстата, это проблема компетентных органов, но ситуация становится нетерпимой. Потому что не существует ни одной крупной развитой или развивающейся страны, которая «закрывает» таблицы «затраты – выпуск». Это, во-первых, неотъемлемая часть системы национальных счетов, во-вторых, они содержат необходимую информацию для того, чтобы проводить те самые структурные реформы, про которые так много говорится.

Теперь практический вопрос: измеряемые и неизмеряемые показатели в статистике и в соответствующих модельных инструментах. Текущая система статистических наблюдений и система национальных счетов были созданы в определенный момент времени и на основании определенных теоретических концепций – это кейнсианский и неокейнсианский подходы. В то же время ряд модельных конструкций основывается на неоклассической парадигме, в рамках которой некоторые ключевые показатели не имеют своей количественной оценки в текущей статистике. Например, если при кейнсианском подходе оперируют показателями ВВП – капиталотдача – производительность труда – доходы/расходы населения – производственные мощности – эффективность использования ресурсов, то при неоклассическом подходе они трансформируются в благосостояние – совокупную факторную производительность – предельную полезность – потенциальный выпуск. Очевидно, что в случае с параметрами неоклассического характера речь идет о неизмеряемых показателях. Когда мы пытаемся базировать прогнозно-аналитический инструментарий на неизмеря-

емых показателях, возникают серьезные проблемы, ведущие к ухудшению качества оценки мероприятий в области экономической политики. Поэтому или мы должны каким-то образом придумать и теоретически обосновать, как это было в 30–40-е годы XX в., новую систему статистики, которая будет учитывать положения неоклассической теории, или мы должны признать, что модели, которые основываются на такого рода данных, носят преимущественно академический, теоретический характер.

Куда же может двигаться дальше статистика? Я вижу *три основных направления*.

Первое направление – «глобализация». Предполагает повышение уровня международных организаций как агрегаторов статистических данных. Сейчас это видно на примере Всемирного банка, ОЭСР, МВФ и т.д. Какой риск у этого направления развития статистики? Прежде всего, это сжатие потока информации и потеря страновой специфики. Тем не менее я считаю, что это направление наиболее перспективное, потому что оно повышает качество сопоставлений и анализа экономической динамики.

Второе направление – «американизация». Очень многие сейчас говорят, «давайте мы будем собирать альтернативную статистику на базе данных ФНС или каких-то других организаций». Риск состоит в том, что мы получим результат, сходный с тем, что мы наблюдаем в США, но с худшим качеством. На мой взгляд, это может привести к утере единого взгляда на развитие экономики, тем более в нашей стране, где система наблюдений еще не сложилась окончательно, и мы не готовы к тому, чтобы у нас было огромное количество статисточников, каждый из которых отвечал бы за свой узкий круг статистической информации. На мой взгляд, такое развитие механизмов статистического учета является нецелесообразным.

И, наконец, *третье направление* – «детализация». Развитие инструментов Big Data, Block Chain и т.д. Это направление, на мой взгляд, – самое проблемное, несмотря на то, что многие коллеги считают, что его своеобразным мейнстримом. Проблема состоит в том, что пока отсутствуют стандартизированные методы работы с такими данными. Благодаря современным техническим средствам, эти данные, скорее всего, будут централизованно собраны. Но сможем ли мы на основании этих данных сделать глобальные выводы, тем более опираться на них при обосновании экономической политики? На мой взгляд, об этом пока говорить нельзя, так как требуется большая теоретическая и прикладная работа для выстраивания системы работы с такими данными не только на уровне бизнеса, но и на уровне государственного управления.

Какие выводы можно сделать? Официальная статистика несовершенна, но все имеющиеся альтернативы пока проигрывают ей. Соответственно необходимо развивать государственную систему статучета и гармонизировать ее с альтернативными источниками данных. Проще говоря, нужно дать официальной статистике нормальные ресурсы (кадровые, финансовые, организационные), которые позволят повысить качество данных. Одновременно с этим следует повысить ответственность органов статистики за качество данных.

Повышение значимости ряда расчетных инструментов при обосновании экономической политики требует коренного пересмотра основ статистического учета и их развития в неоклассической парадигме. Надежда на то, что новые высокотехнологичные методы сбора высокочастотных данных могут заменить собой традиционную статистику, вряд ли осуществима до тех пор, пока не будут разработаны универсальные методы агрегации и использования такого рода информации. Недостаточно собрать терабайты данных, надо научиться работать с ними, причем стандартизованно.

И наконец, последнее. Структурное наполнение данных является важнейшим качеством статистики, облегчающим задачу управления российской экономикой. По нашим оценкам, структурные сдвиги будут определять характер будущего развития экономики России, поэтому нам важно оценивать масштаб этих сдвигов в ретроспективе и прогнозировать их в будущем. При этом всегда следует иметь в виду, что нормально управлять мы можем только теми процессами, которые можно измерить.

РОССИЙСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В.Сальников, заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)

Небольшое вводное замечание. Я часто критикую Росстат и буду критиковать сегодня, но хочу сказать, что Росстат делает большую, важную работу. Я прекрасно понимаю, какой пласт работ стоит за статистическими публикациями. И когда я критикую, мне не радостно, мне больно, потому что проделана огромная работа, но мне кажется, что на последних этапах мы все это теряем. И что можно было бы небольшими усилиями все это существенно улучшить.

Хотелось бы поговорить об официальной статистике с точки зрения экспертного сообщества, которое я частично представляю, и органов исполнительной власти, потому что в последнее время с ними приходится взаимодействовать именно в части экспертного обеспечения принятия решений.

Что нужно органам государственной власти? В принципе, ничего сложного и немногое: понимать, что происходит, что будет происходить и что надо делать. То есть – оценка ситуации, прогноз и оценка спектра эффектов управляющих воздействий. Это, конечно, редуцированное представление. И требования к данным, которые отсюда вытекают, редуцировано опять же, оперативность, точность, корректность (этим словом я назвал некоторый спектр свойств, таких как полнота, адекватность объекту исследования, прозрачность методик расчета и т.д.), а также эффективность форматов представления. Последнее требование все более важно, потому что количество данных растет, и это уже не две цифры, которые раньше из бумажного справочника можно было взять, вставить в электронную таблицу и дальше пользоваться.

Я бы хотел коротко обсудить все эти моменты. Начнем с оперативности предоставления данных – она все-таки невысокая. И если мы говорим про производственную статистику, там ситуация еще более-менее хорошая, потому что мы получаем первые данные спустя 1,5–2,5 недели после окончания отчетного периода, по разным показателям. Но данные, например, о численности появляются спустя 1,5 месяца, данные о финансовом положении, затратах – спустя 2–2,5 месяца после окончания отчетного периода. А такие интересные данные, как годовые детализированные данные о производстве по видам продукции, раньше становились доступны спустя полгода, сейчас – вообще спустя 9 месяцев. И это касается многих видов данных, это просто примеры. Почему мне кажется, что это долго? Приведу одно простое соображение: IT-технологии за последние 15–20 лет сделали колоссальный скачок в развитии, они задействованы в сборе и обработке информации. Понятно, что есть еще участие статистика, и оно требует времени. Но все-таки, если значимая часть процессов на порядки повысила свою эффективность, то, наверное, что-то должно было произойти и со сроками предоставления данных? И очень смущает, что эти сроки, по крайней мере за последние 15 лет, по тем данным, которыми я сам регулярно оперативно пользуюсь, не изменились. Они какие были, такими и остались. Мне кажется, что это более чем странно.

По поводу точности данных. На мой взгляд, это одна из наиболее острых проблем. Примеры можно приводить бесконечно. В качестве одного из наиболее наглядных я бы хотел разобрать ситуацию с динамикой промышленного производства в физическом выражении в целом по России. На мой взгляд, это очень хороший пример, потому что с одной стороны, показатель очень важный – огромная часть ВВП, а с другой, – он вроде бы должен быть точным, потому что вроде бы к нему есть политическое внимание, вроде бы там ожидается хороший охват, и вроде бы показатель традиционный. Поэтому отлаженные методики сбора и обработки здесь вроде бы присутствуют. Я сознательно часто употреблял сейчас «вроде бы». Так вот, давайте посмотрим, что у нас с этим происходит. Несколько очень ярких примеров.

«Классика жанра» – это 2006 год, когда Росстат пересчитал промышленное производство с 3,9 до 6,3%, т.е. пересчет темпа прироста был 1,5-кратный. Это, мягко говоря, очень много. И еще важно, что на уровне отдельных видов деятельности были просто радикальные пересмотры. Особо выделяется ситуация с производством электро- и оптического оборудования, которое с (-5,5%) было пересчитано до +15%. То есть был получен принципиально другой вывод о том, что происходило в отрасли.

Пример 2006 г. – самый выпуклый, но проблема никуда не делась, она просто затушевывается несколькими обстоятельствами. Во-первых, у нас снизились сами по себе темпы роста. Во-вторых, Росстат начал довольно удачно совмещать пересчеты с изменением методики. То есть, например, в 2017 г. идет переход на ОКПД-2, и прошлое сильно пересчитывается. И все будут полагать, что из-за перехода на новый классификатор. Однако, можно показать, что пересчет будет скорее обусловлен не сменой классификатора, обнаружением и исправлением ошибок в исходных данных или просто уточнением данных о производстве по видам продукции.

Еще один пример, уже ближе к настоящему времени. Данные по промышленному производству последний раз пересчитывались для периода до 2013 г. Рассмотрим опять производство электрооборудования. По оперативной информации, в 2011 г. был прирост в размере 5,1%, потом Росстат уточнил цифру до 11,9%. Оперативные данные в 2012 г. дали 4,3% – замечу, что это годовые данные – затем уточнение до 6,4%. Оперативные данные за 2013 г. были -2,8%, уточненные -1,0%. Что обращает на себя внимание? Явная смещенность пересмотра в одну сторону, т.е. это некое систематическое искажение. Мы общались в рабочем порядке с представителями Росстата, и они показывали, и объясняли, почему так получается. ЦМАКП считает свой индекс промышленного производства и делает соответствующую коррекцию, т.е. мы понимаем, откуда возникает эта смещенная ошибка.

Или, например, информация о динамике производства металлообрабатывающих станков. Конечно, у нас станкостроение сейчас, мягко говоря, не слишком развито, и не слишком значимый это продукт. Но по итогам 2014 г. Росстат говорит, что был спад производства на 6%,

Рис. 1. Уточнение темпов прироста выпуска в 2006 г., %

а потом пересчитывает данные и получает прирост на 14%. А в конце концов публикуется третья цифра, которая и попадает в российский статистический ежегодник: прирост на 34%!

На *рис. 1* представлены данные по темпам роста отдельных видов экономической деятельности в 2006 г.: оперативные данные и уточненные (окончательные). Видно, что по некоторым видам продукции разница на порядок или больше. Если речь идет о каких-то мелких видах продукции, то на это можно закрыть глаза. Но это не всегда незначительные продукты.

Но, например, производство спецодежды (см. *рис. 1*) – это наше всё в легкой промышленности, помимо производства нетканых материалов. Спецодежда – это еще один наш суперпродукт, и из рисунка видны масштабы пересчета по нему. И что тогда вообще можно говорить о том, что происходит в легкой промышленности? Причем, Росстат стал считать производство спецодежды в целом с штуках, но это некорректно, потому что вес костюма химзащиты и вес хлопчатобумажных перчаток оказывается равным! Не говоря уже о том, что у нас есть все основания считать, что производство спецодежды в 2016г., составившее почти 200 млн шт., попросту не вполне корректно, потому что 3/4 этого объема производится в Твери. Но какими заводами и кто это производит – неясно. Одна из гипотез, что какой-то завод вместо тысяч штук отчитывается штуками, это распространенная ситуация.

Хотелось бы отдельно сказать про электроприборы для обогрева воздуха. Тут аналогичная ситуация. Похоже, что Мордовия отчитывается по электроприборам для обогрева воздуха в неправильных единицах. В результате, за последние 5 лет количество приборов для обогрева воздуха в штуках вдвое превысило число домохозяйств в стране, притом что экспорта нет. По данным видно, что Мордовия с 2012 г. портит всю статистику. А этот продукт, между прочим, приводится даже в оперативной сводке как один из важнейших продуктов по отрасли.

Целлюлозно-бумажная отрасль неправильно считается, потому что отдельные виды картона учитываются с неправильным весом и т.д. За период с января по август 2015 г. (по отношению к аналогичному периоду 2014 г.) по отрасли спад 85%. При этом по основным видам продукции цифры значительно оптимистичнее: бумага – 97%, целлюлоза – 104,3%. А почему? Потому что есть два продукта, которые сильно упали, которые на самом деле микроскопические, но из-за некоторых ошибок в первичных данных их вес вырос где-то на 2–3 порядка. В результате они «оттянули» индекс всей отрасли, и получился спад в 15%, хотя спада не было, а был рост в 2015 г. по целлюлозно-бумажной отрасли.

Теперь рассмотрим другой аспект: представительность товаров в индексах.

Яркий пример – производство прочих транспортных средств и оборудования. Санки – это единственный товар-представитель. Хотя очевидно, что тачки, тележки всех видов, вагонетки и платформы – продукция промежуточного значения – значат гораздо больше.

Или производство спортивных товаров. Лыжи – единственный публикуемый товар-представитель. А в производстве игрушек всего два представителя: велосипеды трехколесные и столы для бильярда. Как в таких условиях можно говорить, что мы в принципе наблюдаем эти отрасли? Мы их не наблюдаем. Надо это признать и тогда вообще перестать публиковать эти данные, потому что эта статистка ничего не значит и ни о чем не говорит.

В качестве яркой иллюстрации – производство спортивных товаров в 2015 г. по итогам года. В физическом выражении, по данным Росстата, наблюдался прирост на 24%, при этом отгруженная продукция в текущих ценах увеличилась лишь на 7,6% по крупным и средним предприятиям и на 4,5% – по полному кругу. Заметим, это был 2015 г., год большой инфляции, т.е., скорее всего, в производстве спортивных товаров наблюдался спад. При этом производство лыж, согласно оперативным данным Росстата, упало на 28% в 2015 г., но, правда, сейчас уже стало известно, что, по уточненным данным, оно, оказывается, выросло на 3,8%. То есть в этих условиях, если кто-то меня спросит, что у нас происходит с производством спортивных товаров, я просто скажу: «Бог его знает, что там происходит, что-то происходит, очевидно, но что – никто не знает». Однако проблема в том, что эти данные публикуются как часть официальной статистики, и многие, не зная всей этой истории, используют их и делают на их основе выводы.

Про изменение методологии в обстановке строгой секретности тоже можно говорить очень долго. До 2014 г. вид деятельности «сбор, очистка и распределение воды» приравнивался просто к электроэнергетике, а с 2014 г. его начали считать отдельно. Никаких комментариев со стороны Росстата по этому поводу не было.

Отдельная история – это закрытие данных. Я понимаю, что существует закон (№ 282-ФЗ от 29.11.2007 «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»), но я считаю, что необходимо вводить срок давности. Потому что очень многие пласты статистики просто выпали и исчезли, их как бы уже нет. Региональная статистика именно из-за этого многое потеряла. Причем доходит до смешного. Правительство Москвы хочет, чтобы мы провели анализ динамики производства нефтепродуктов в Москве. А данные о производстве нефтепродуктов на московском НПЗ теперь недоступны в открытых источниках, потому что это единственное предприятие отрасли в регионе, значит данные нельзя публиковать.

На мой взгляд, самая большая проблема заключается в том, что собирается много статистики, которая статисткой по сути не является или не используется. И в этом смысле нужен аудит. С одной стороны, публикуется очень много показателей – уходят огромные усилия на сбор данных, обработку и т.д., но они никем не используются вообще. А с другой стороны, как мы видели, некоторые данные настолько неточны, что нужно уже признаться, что мы не можем наблюдать некоторые сферы с достаточной точностью. И давайте тогда не будем тратить усилия (и деньги) и делать вид, что мы их наблюдаем, как с производством спортивных товаров. Мы не знаем пока, на данном уровне развития сбора и обработки информации, что происходит с производством спортивных товаров в России. И это надо признать и тогда не тратить усилия – один вариант. Другой вариант – потратить усилия и привести в порядок эту статистику.

И последнее. Очень интересно, как все-таки видит свое будущее и свое развитие сам Росстат. Потому что, если оставить все как есть, то есть большие риски стать ненужными. Краеугольная причина – это монополия и полная независимость от потребителей, что фактически приводит к тому, что Росстат что-то делает, но для кого и зачем – остается загадкой. Пользователям, перед тем, как анализировать данные, надо проделать огромную аналитическую работу, чтобы понять можно ли вообще пользоваться этими данными или нельзя.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Г. МОСКВЫ

П.Крючкова, Департамент экономической политики и развития г. Москвы (ДЭПиР)

Я представляю Департамент экономической политики и развития города Москвы и выступаю здесь в качестве представителя органов государственной власти, которые как раз и предъявляют спрос на статистическую информацию. Говорить о том, чем нас не устраивает система государственной статистики, можно довольно долго. Но вопрос не в том, что плохо, а в том, что делать.

На мой взгляд, есть два магистральных направления: это вдумчивая работа с органами государственной статистики по совершенствованию методологий, уточнению конкретных показателей, сбору информации и т.д., которую правительство Москвы, наш департамент ведет довольно плотно. Хотя надо сказать, КПД этой работы нас, мягко говоря, не устраивает.

Второй вариант: выстраивать систему альтернативной статистики. И так или иначе по этому пути идут очень многие органы госвласти и управления и на федеральном, и на региональном уровне. В Москве прежде всего.

Я сразу хочу сказать, чем наш подход отличается от подходов многих других органов власти. На самом деле, если органу госвласти не хватает какой-то информации, первая идея, которая приходит в голову госслужащего – это запросить эту информацию. Вы хотите знать данные по промышленному производству? Давайте запросим промышленные предприятия, что они производят. Мы хотим знать что-то еще – давайте запросим. Получим или не получим информацию, но по крайней мере дополнительную нагрузку для тех, кого спрашиваем, таким образом, естественно, создаем.

У нас подход чуть-чуть другой. На самом деле, мы считаем, что объекты статистического наблюдения производят избыточное количество отчетности и информации. Вопрос: как эту информацию использовать? И мы сейчас все активнее и активнее переходим на использование данных Пенсионного фонда РФ, ФНС, Мосэнергосбыта, Федерального казначейства и т.д. Это как раз к вопросу об использовании новых информационных систем, потому что и ПФР, и ФНС сейчас эти системы активно развивают, а также о том, что эти системы могут нам дать. Из ПФР мы получаем деперсонифицированные данные по заработным платам, по пенсионным взносам, численности занятых и т.д. в различных разрезах. Из ФНС мы получаем сведения из базы данных по декларациям по налогу на прибыль, где мы видим прибыль, выручку и т.д. опять же в разных разрезах. Мы получаем сведения из базы данных по декларациям по НДС, где можно много всего интересного увидеть. Сейчас начинается работа с базой данных по имущественным налогам, по НДФЛ и т.д.

Мы получаем данные в целом по экономике Москвы в соответствующей разбивке. Мы понимаем, откуда эти данные берутся, мы понимаем, что это сплошной охват, мы понимаем, как это считается. Но, к сожалению, мы не решаем проблемы, существующие и в других регионах, но особенно остро стоящие для Москвы, – это «пересортица» по ОКВЭД, а также учет компаний, которые в Москве зарегистрированы, но свою деятельность ведут в других регионах.

Как мы решаем эти проблемы? Мы составляем базу данных предприятий, прежде всего обрабатывающей промышленности, а также ИТ, электросвязи, НИОКР и управляющих компаний технопарков, где мы «ручками» по разным источникам собрали перечень предприятий, которые фигурируют у Мосгорстата, у Мосэнергосбыта, у органов исполнительной власти Москвы. Исключили компании, которые по соответствующим ОКВЭДам числятся, но производства в Москве не ведут или ведут производство по данному ОКВЭДу, но за пределами Москвы, и плюс мы некоторым компаниям переназначили ОКВЭДы своим волевым решением. Здесь вопрос даже не столько в том, что ОКВЭД не соответствует реальному профилю деятельности, а в том, что есть ряд компаний, причем это крупные компании, которые в разных источниках проходят по разным ОКВЭДам. Даже в статистике Мосгорстата в разных показателях они могут относиться к разным ОКВЭДам, что дает на самом деле серьезный разброс. Это касается, например, производства и науки, ИТ и науки, в общем, есть такие отрасли. Мы собрали базу данных из 1265 компаний. По нашим оценкам, это покрывает примерно 70–80% соответствующих отраслей. Остальное – это малый бизнес, который мы, конечно, можем увидеть, если сильно постараться, но это просто слишком трудозатратно. По этим группировкам мы из разных источников получаем агрегированную информацию.

Что мы получаем? Данные по численности занятых, по фонду оплаты труда и по зарплатам. Потребление электроэнергии нам в какой-то степени стало сейчас заменять индекс промышленного производства. Данные о выручке, финансовых результатах. Плюс еще расчеты с бюджетом, которые нам показывают, сколько Москва получает от деятельности этих предприятий.

Что нам это дает? Во-первых, мы понимаем, что реальная структура экономики Москвы сильно отличается от данных официального статистического наблюдения и по структуре, и по динамике, и по каким-то отдельным моментам.

Во-вторых, мы, видим некоторые точки роста и, наоборот, точки падения и можем, соответственно, на них как-то реагировать, принимать, в том числе, управленческие решения. Потому что довольно сложно управлять объектом, о котором ничего не знаешь. И мы видим,

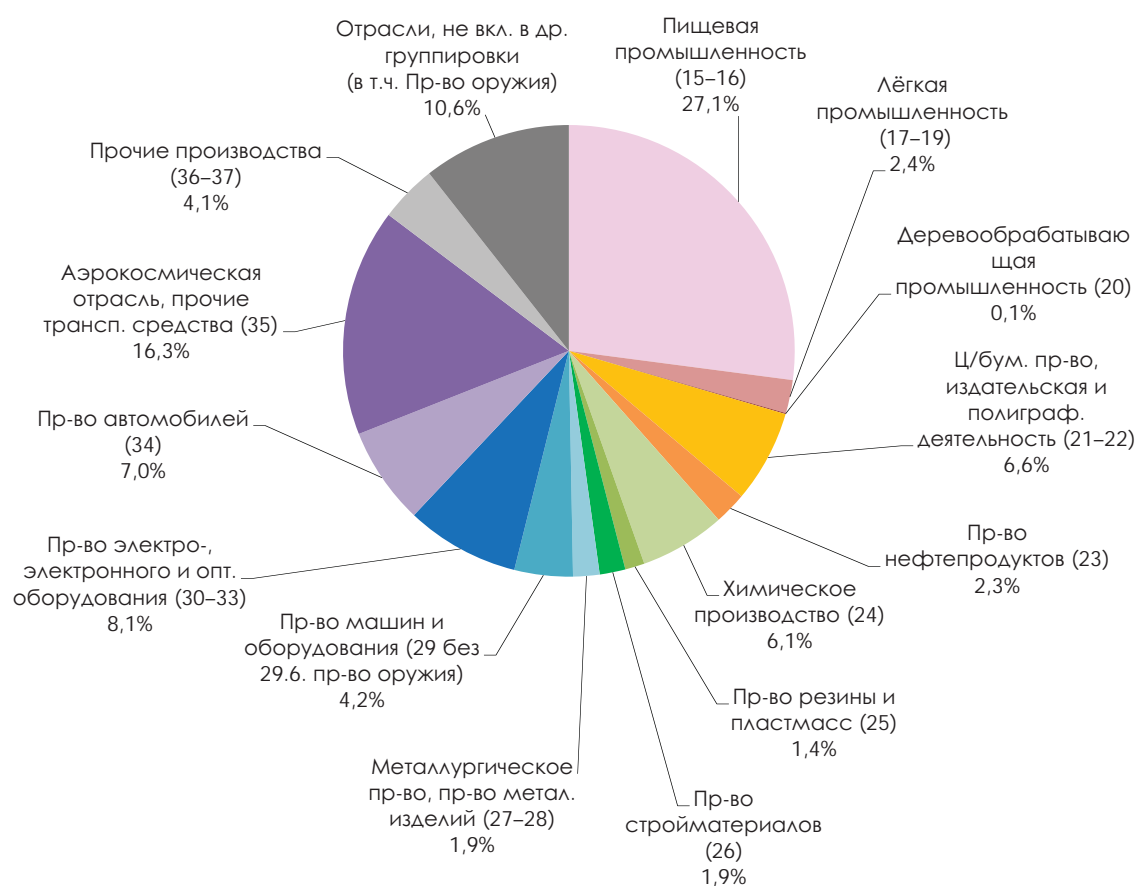

Рис. 1. Структура обрабатывающей промышленности: 2015 г., доля в выручке (база данных ДЭПир: 557 компаний из 695)

где проблемы преувеличиваются, за счет чего они преувеличиваются, а где, наоборот, преуменьшаются.

Первое, что очень показательно: *структура обрабатывающей промышленности* в 2015 г. (см. рис. 1, 2). Взяли сопоставимые данные по доле выручки. Видим огромную разницу между нашими данными и данными Росстата. Точно такие же графики у нас есть по добавленной стоимости, и различия между ними похожи. Так, по данным Росстата, доля производства нефтепродуктов в выручке составляет 63%. Структура по добавленной стоимости (доля производства нефтепродуктов примерно такая же – 53%) используется для расчета промпроизводства. Хотя по факту производство нефтепродуктов – это примерно 2%.

В результате индексом промпроизводства Росстата в Москве мы пользоваться не можем. Соответственно, структура другая, соответственно, и меры промполитики совсем другие. Бессмысленно поддерживать нефтепереработку в Москве, когда основная доля у нас – пищевая промышленность. Динамика показателей также отличается от данных Росстата, где-то больше, где-то меньше, но по нашей выборке мы видим и динамику выручки, и динамику финансовых результатов, и мы видим, сколько компаний находится в плюсе, сколько находится в минусе, хотя данные обобщенные.

Энергопотребление. Понятно, что данные по энергопотреблению надо корректировать, в том числе, на климатические условия. При этом ситуация, когда энергопотребление предприятия растет, а производство падает, требует пристального внимания. Чаще всего это некие ошибки, связанные, например, с тем, что компания вовремя не сдала отчетность. Что является вполне типичным случаем.

Следующий очень интересный сюжет – это *занятость*. Как уже коллеги отмечали, показателей занятости Росстат дает много. Но если брать данные по Москве, например, чис-

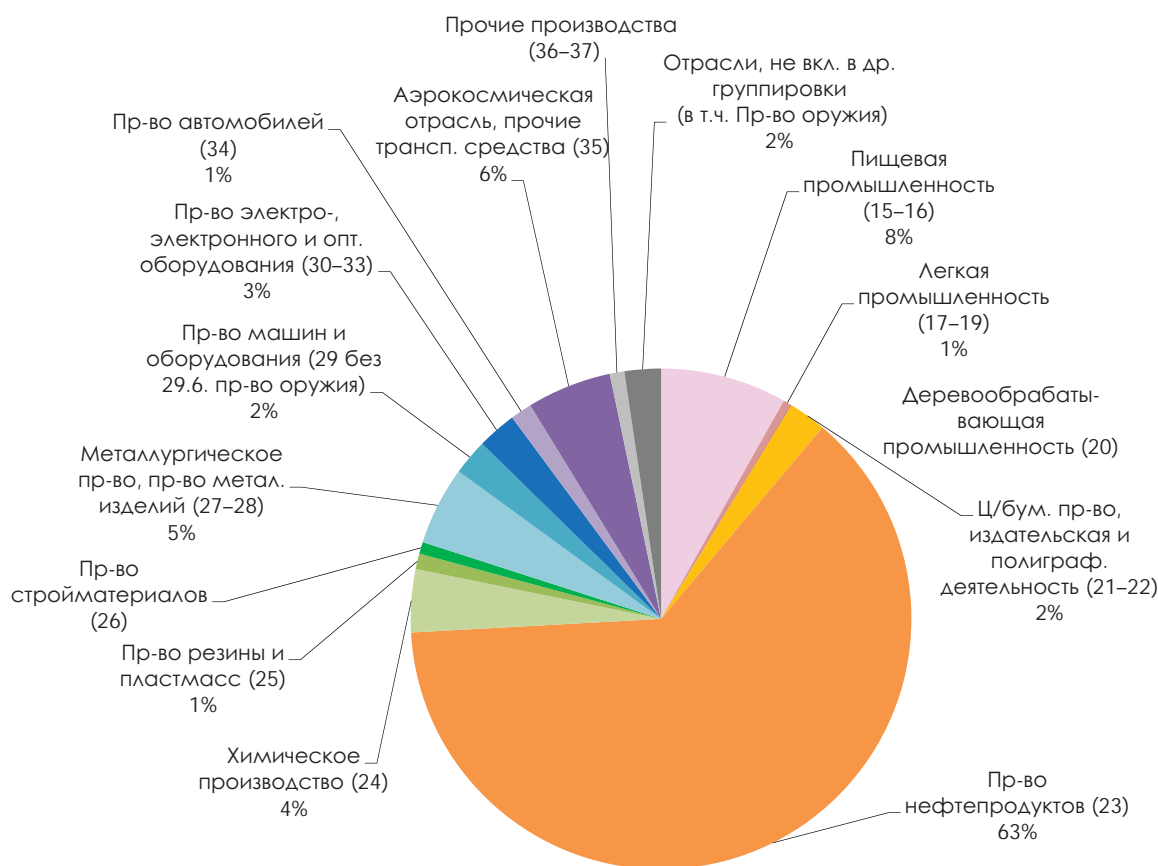

Рис. 2. Структура обрабатывающей промышленности: 2015 г., доля в выручке (данные Росстата: 722 крупных и средних компании)

ленность занятых в организации, то мы видим показатель среднесписочной численности, который регулярно публикуется, составляет 4,7 млн. А есть показатель численности занятых в организации по балансу трудовых ресурсов, который составляет уже 6,7 млн. Есть показатель численности занятых в организациях, который, например, использован для расчета среднего дохода от трудовой деятельности, который составляет значительно больше. Дальше можно только догадываться, какая же на самом деле численность занятых в организациях.

По данным же Пенсионного фонда, мы имеем общую среднемесячную численность занятых в Москве в 7,5 млн, и по отдельным отраслям она тоже достаточно серьезно отличается от цифр Росстата. В основном она выше. Есть, правда, одна отрасль, по которой данные ПФР дают меньшую цифру, чем данные Росстата. Это отрасль государственного управления. Почему – это отдельный разговор.

Заработная плата. Здесь мы тоже имеем очень серьезные расхождения: по ПФР заработная плата значительно ниже. При этом получается, что по крупным организациям по ПФР зарплата значительно ниже, чем по Росстату, а по малым организациям – наоборот. То есть здесь все не однонаправленно и не объясняется тем, что мы фонд оплаты труда делим на большее число занятых. На самом деле, все значительно интереснее и серьезнее.

Опять же по отраслям мы видим, где самый большой разрыв с данными Росстата – в обрабатывающей промышленности.

Еще одна вещь, которую кроме нас не видит никто. Экспорт товаров видит ФТС и, естественно, Росстат, тогда как экспорт услуг в региональном разрезе не видит никто. А на основании базы данных НДС налоговой инспекции мы его можем увидеть. На самом деле, по товарным группам данные по декларациям НДС и данные ФТС бьются между собой с точностью до кур-

совой разницы. Но то, что мы увидели услуги, – это крайне интересно. Причем, если по кодам декларации НДС товары – это просто товары, они не бьются по товарным группам, то по услугам там довольно детальная разбивка, и мы можем отделить услуги, которые сопровождают товары на экспорт, от собственно полноценного экспорта услуг.

Мы видим и отраслевую разбивку экспорта, и динамику как по предприятиям, зарегистрированным в Москве, так и по предприятиям, непосредственно ведущим производственную деятельность в Москве. Еще один крайне интересный факт: из 1200 предприятий, непосредственно ведущих производственную деятельность в Москве, экспортеров 40%! Мы были очень удивлены. В ИТ эта доля еще больше.

Подводя итог: На мой взгляд, работа с данными ПФР, ФНС и других органов – дело крайне перспективное. Мы уже обсуждали неоднократно с Росстатом возможность использования альтернативных источников. К сожалению, у нас пока диалог идет в терминах не «как это можно использовать, как совершенствовать методологию», а, скорее, в терминах «почему Росстат не готов это использовать». И это печально, потому что, на наш взгляд, перспективы очень большие. Так, через год мы увидим, по данным ФНС, весь официальный легальный розничный товарооборот благодаря новой системе контрольно-кассовых машин. И проблема расчета товарооборота, в общем, снимется. Было бы хорошо, если бы такая работа велась не отдельными органами исполнительной власти, а совместно и органами власти, и экспертным сообществом.

ОБ ИЗДЕРЖКАХ, ПОРОЖДАЕМЫХ ПРОБЛЕМАМИ ИЗМЕРЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ

В.Бессонов, НИУ ВШЭ

Одна из проблем, связанных с измерением инфляции, состоит в следующем. Экономическим агентам для принятия решений необходимо понимать, что происходит в экономике. Они должны иметь представление о текущих тенденциях экономического роста, инфляции, должны понимать динамику важнейших показателей. Эту информацию мы воспринимаем не непосредственно, а из статистических данных, в первую очередь из официальных данных Росстата. У нас нет органов чувств, которые показывают нам темпы инфляции. Мы бываем в состоянии понять, что темпы инфляции высоки, но едва ли способны дать им адекватную количественную оценку.

Соответственно, наше представление об экономической ситуации формируется на основе анализа данных статистики. Если официальные статистические данные искажены, то представления всех экономических агентов окажутся одинаково искажены, поскольку все экономические агенты формируют их на основе одной и той же информации. Это же происходит и при массовом использовании некорректных методов анализа данных. Возникают своего рода всеобщие экономические галлюцинации. Искаженные представления о ситуации приводят к неоптимальности принимаемых решений, что позволяет говорить о макроэкономических издержках, порождаемых проблемами измерения.

Требования к методике построения и точности экономического показателя определяются характером его использования, т.е. требованиями тех содержательных задач, инструментом решения которых он является. Если показатель в таком качестве не используется, то не играет особой роли, как он построен и какую точность имеет.

По моему мнению, в последние годы в России формируется спрос на качественное измерение инфляции. Это связано, по крайней мере, с двумя процессами.

Первый процесс состоит в развитии программ индексации, в первую очередь – индексации пенсий. Индексация пенсий все в большей мере привязывается к динамике индекса потребительских цен (ИПЦ). В первые годы после начала реформ темпы инфляции были очень

высоки. В то же время индексация пенсий не была жестко привязана к динамике ИПЦ. Пенсии время от времени повышались в той мере, в какой позволяли экономические реалии. Это не требовало высокой точности измерения инфляции. Затем, во время периода интенсивного экономического подъема, на протяжении межкризисного десятилетия (осень 1998 г. – осень 2008 г.) была возможность индексации пенсий «с запасом», т.е. с заметным опережением инфляции. Это также не требовало высокой точности измерения динамики цен. Следовательно, детали методики построения ИПЦ в это время также не играли роли с точки зрения потребностей информационной поддержки процесса индексации. Но, когда по окончании восстановительного подъема российская экономика вошла в полосу кризисов, ресурсные ограничения ужесточились и возможность индексации пенсий «с запасом» исчезла. В то же время недоиндексация пенсий чревата неблагоприятными социальными и политическими последствиями, поскольку пенсионеры составляют значительную часть населения и, следовательно, электората. Поэтому возникла потребность при индексации пенсий все в большей мере ориентироваться на динамику стоимости жизни, индикатором которой является ИПЦ. Это повышает требования к точности измерения инфляции. Детали методики построения ИПЦ начинают играть роль.

Второй процесс, формирующий социальный заказ на правильное измерение инфляции, состоит в переходе Банка России к политике инфляционного таргетирования. Эта политика жестко привязана к динамике конкретного показателя – ИПЦ в его нынешнем исполнении, что повышает требования к его точности. Детали методики построения показателя начинают играть роль, поскольку они способны влиять на динамику показателя и, следовательно, на выработку мер экономической политики.

Ниже я хотел бы кратко рассмотреть вопрос о влиянии изменения методики построения ИПЦ на экономическую политику¹.

Несколько лет назад произошло изменение методики построения ИПЦ, о котором не всем известно. До конца 2012 г. на протяжении каждого календарного года индексы строились с весами, основанными на информации за предшествующий так называемый смещенный год – год, смещенный на 1 квартал в прошлое относительно соответствующего календарного года. А с начала 2013 г. индексы стали строить так же, но с весами на основе информации за двойной смещенный год. Это означает, что средний возраст информации, используемой для построения весов, скачкообразно увеличился на полгода. В прежней методике веса в среднем соответствовали середине смещенного года, а в новой методике они в среднем соответствуют середине двойного смещенного года.

Что это означает с точки зрения результатов измерений? Все мы знаем, что индекс Ласпейреса обычно показывает более высокие оценки, чем индекс Пааше, построенный по тем же самым данным о динамике цен. Почему? Потому что в индексе Ласпейреса используются веса, основанные на информации, соответствующей началу периода сопоставления, а в индексе Пааше – веса, соответствующие концу периода сопоставления, основанные на более новой информации. Когда мы строим индекс Ласпейреса, то на протяжении всего интервала сопоставления мы предполагаем, что изменения относительных цен – что-то дорожает опережающими темпами, что-то относительно дешевеет – никак не влияют на структуру потребления. Если я, например, люблю бананы, а они вдруг подорожают по сравнению с яблоками, то я не буду перераспределять свой спрос в пользу яблок. В реальности же такое замещение имеет место. Это замещение приводит к тому, что индексы цен, построенные с использованием весов, основанных на более старой информации, при прочих равных условиях дают более высокую оценку результата, чем индексы, веса которых основаны на более новой информации.

Обсуждаемое изменение методики построения ИПЦ привело к скачкообразному увеличению среднего возраста весов примерно на полгода. Это означает, что следует ожидать скачко-

¹ Более подробно см.: Бессонов В.А. Об издержках, порождаемых проблемами измерения инфляции // Вопросы статистики. 2016. № 10. С. 12–21.

образного увеличения завышающего смещения ИПЦ. По моей грубой оценке, это увеличение для 2013 г. по порядку величины составляет 0,2 п.п. За 2012 г. официальная оценка прироста ИПЦ равна 6,6%, за 2013 г. ИПЦ вырос на 6,5%, хотя многие аналитики ожидали, что будет меньше – около 6,0%.

Эффект замещения является лишь одним из источников смещений индексов потребительских цен. Два десятилетия назад в США работала знаменитая Комиссия Боскина. Ею было рассмотрено четыре типа источников смещений. Смещения всех типов имеют один и тот же знак (все завышают индексы цен) и один и тот же порядок величины. В основе этих смещений лежит одна основная причина – использование весов, основанное на старой информации по отношению к интервалу сопоставления.

Поэтому можно ожидать, что если бы удалось оценить смещения, обусловленные всеми причинами, то обсуждаемое изменение методики построения ИПЦ привело бы к росту годового смещения за 2013 г. не на 0,2 п.п., а к несколько более значительному – может быть 0,3 п.п., может, 0,4 п.п., а может быть, и 0,5 п.п. Заметим, что в соответствии с выводами Комиссии Боскина, эффект замещения в США в середине 1990-х годов давал отнюдь не основной вклад в совокупное смещение ИПЦ. Все это означает, что если бы в 2013 г. российский ИПЦ строили по прежней методике, ничего не меняя, то получили бы годовой прирост индекса не на 6,5%, а на 6,0%, может быть 6,1%, т.е. именно такой, какой и ожидали многие эксперты, прогнозировавшие инфляцию.

Важно то, что последствия обсуждаемого изменения методики для динамики ИПЦ не были известны большинству пользователей. Представьте, что вы стреляете из лука в мишень и, пока стрела летит, уборщица передвинула мишень. Каковы ваши шансы попасть в цель при такой игре? В рассматриваемой ситуации с ИПЦ произошло нечто похожее: подавляющему большинству пользователей не только не был понятен смысл изменений, но даже не был известен сам факт изменений. В результате у экономических агентов сформировалось несколько иное представление о том, что происходит в экономике, со всеми вытекающими последствиями для принимаемых решений.

Но самое интересное следствие, на мой взгляд, в том, что оказалась искажена цель по инфляции. Когда Росстат переходил к новой методике построения ИПЦ, в Банке России прорабатывались вопросы подготовки перехода к политике инфляционного таргетирования. Специалисты Банка России, которые этим занимались, не знали об обсуждаемой проблеме. То есть цель по инфляции в 4% годового прироста ИПЦ за 2017 г. соответствует приросту индекса в старой методике. Это означает, что для того, чтобы по новой методике обеспечить те же самые 4%, динамика всех цен должна быть несколько менее высокой, то есть необходимо несколько сильнее ужесточить денежно-кредитную политику, например, необходимо поддерживать ключевую ставку на еще несколько более высоком уровне. Таким образом, Росстат, изменив методику построения ИПЦ в условиях инфляционного таргетирования, сам того не ведая, ужесточил денежно-кредитную политику Банка России.

В данном случае, разумеется, не идет речи о какой-то катастрофе, речь идет о десятых долях процентного пункта за год. Впрочем, сейчас борьба идет за каждую десятую. Достаточно вспомнить ту радость, которую демонстрировало наше руководство, узнав, что в 2016 г. прирост ИПЦ составил 5,4%, а не 5,6%, как ожидалось. Вот что значит 0,2 п.п.!

Проблема, на мой взгляд, в том, что важные изменения методики производятся без анализа последствий, без информирования пользователей, без какого-то исследования влияния изменения методики на динамику показателя. Но если мы посмотрим на то, что происходило ранее, то обнаружим, что ранее не менее серьезные изменения методики происходили неоднократно и тоже без всякого обсуждения. Например, при построении ИПЦ на нижнем уровне агрегирования перешли на использование геометрических средних (что правильно) вместо арифметических, которые давали большое завышающее смещение. Было проведено внеплановое уточнение весов во время кризиса 1998 г. Был произведен переход на использование

информации за смещенный год при построении весов, до этого веса были значительно искажены. Были и другие изменения. Но о них не сообщалось, и они не привлекали внимания потребителей статистической информации. Почему это стало важно сейчас? Что изменилось? На мой взгляд, появился спрос, социальный заказ, на корректное измерение инфляции, в значительной мере обусловленный двумя процессами, о которых сказано выше. Ранее не играло особой роли, как строился показатель, характер использования которого не требовал высокой точности. Сейчас к динамике ИПЦ жестко привязаны, по крайней мере, два процесса – индексация пенсий и политика инфляционного таргетирования. Поэтому уже не все равно, как строится этот показатель.

ОТРАСЛЕВЫЕ СЧЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА RUSSIA KLEMS КАК ПРОТОТИП СТАТИСТИКИ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫПУСКА

И.Воскобойников, НИУ ВШЭ

Как и предыдущие докладчики, я тоже буду критиковать официальную статистику, но я постараюсь выдержать свою презентацию в чуть более позитивном ключе. Я начну с того, что система национальных счетов (СНС) – это концептуальная основа, с которой мы работаем, и так считают не только в России, но и во всем остальном мире. И совершенствование СНС также идет и в России, и в мире. И для этого, естественно, статистики нуждаются не только в списке проблем статистики, в том числе российских проблем, но и в некоторой системе приоритетов в их решении: с какой стороны подходить к тому большому кругу вопросов, который наше общество постоянно предъявляет статистическим органам.

В связи с этим я хочу немного рассказать о результатах проекта Russia KLEMS¹, который представляет собой систему показателей выпуска, факторов производства и производительности, гармонизированную с аналогичными показателями проектов World KLEMS² и WIOD³, включающих в себя более 40 ведущих развитых, развивающихся и переходных экономик, и предполагающую возможность межстрановых сопоставлений на уровне отдельных отраслей. Я бы хотел подчеркнуть, что проект Russia KLEMS ни в коей мере не является заменой официальной статистики, не может считаться чем-то ее превосходящим. Но все-таки может служить неким прототипом и ориентиром для официальной статистики в плане разработки дорожной карты. Он помогает не только пополнить список проблем российской статистики, требующих решения, но и определить приоритеты в их решении.

Что такое KLEMS? Это система отраслевых динамических рядов выпуска и факторов производства, пригодная для межстрановых сопоставлений. Аббревиатура составлена из первых букв наименований факторов производства – капитал (K), труд (L), энергия (E), сырье (M) и услуги (S). Безусловно, она не является заменой альтернативной статистике и данным СНС и во многом основана на модельных расчетах. Но при этом, конечно, и в России, и в других странах, где этот проект создан, система показателей KLEMS опирается на официальные показатели системы национальных счетов в той мере, в которой это возможно. И, конечно, проект предназначен для решения более узких задач по сравнению с официальной статистикой. Проект заточен на анализ проблем экономического роста и межстрановых сопоставлений производительности. В свою очередь, официальная статистика имеет дело с существенно более широким кругом задач. Это отличие очень важно, потому что, если мы знаем, на какой вопрос

¹ <https://www.hse.ru/org/hse/expert/lipier/current>

² <http://www.worldklems.net/>

³ <http://www.wiod.org/home>

мы отвечаем, мы знаем, в чем мы должны быть точны, а в каких случаях мы можем обойтись сравнительно более простыми подсчетами. В этом смысле наша задача проще, чем задача статистиков, которые должны делать данные как можно лучше для всех возможных целей использования.

Теоретическая основа системы показателей KLEMS – это достаточно старая работа Джорджсона, Голлопа и Фраумени¹, которая распространяет систему счетов экономического роста Солоу² на уровень отдельных отраслей. Она полностью основана на неоклассических предположениях. Она позволяет – и это самое главное в этой системе – представить темпы роста выпуска (это могут быть и темпы роста реальной добавленной стоимости, и темпы роста валового выпуска) в виде суммы вкладов факторов производства: труд, капитал, промежуточные продукты, совокупная факторная производительность – в отраслях. Это значит, что в принципе мы можем получить ответ на вопрос, какой вклад в экономический рост оказывает, например, капитал в текстильном производстве. Или даже более конкретно: какой вклад в экономический рост оказывают нематериальные активы в текстильной промышленности. Точно так же можно говорить и об отдельных видах труда, и о совокупной факторной производительности (СФП).

Существуют разные варианты разработки KLEMS. Можно говорить о декомпозиции валового выпуска – и это идеальный вариант, когда мы говорим не только о вкладе труда, капитала, но еще и отдельных промежуточных продуктов. Можно говорить о разложении реальной добавленной стоимости: тогда мы ограничиваемся только трудом, капиталом и СФП, но проигрываем в точности. И есть некоторые более простые варианты, связанные с разложением производительности труда.

Первый вариант – самый хороший – требует детализированных таблиц «затраты-выпуск» российской экономики, о нехватке которых в научном и аналитическом сообществе Александр Широв тоже упоминал, но российский вариант KLEMS пока обходится без них и поддерживает упрощенную, менее точную версию.

Стоит сказать несколько слов об истории инициативы World KLEMS. Все началось с европейского проекта, который охватывает страны ОЭСР. Проект был запущен в 2003 г. как следствие беспокойства нарастающим отставанием Евросоюза от США по уровню производительности труда и закончился в 2008 г.³ Сейчас он представляет собой динамические ряды, начиная с 1970 г. для стран ОЭСР в декомпозиции как минимум 34 видов деятельности, а для переходных экономик Центральной и Восточной Европы ряды начинаются с 1995 г. Аналогичные проекты уже созданы в других частях света: в Азии⁴ и в Латинской Америке⁵. Российский проект KLEMS был опубликован в 2013 г. и сейчас общедоступны ряды до 2009 г.⁶, но в феврале появится расширение до 2014 г. Российский проект – это проект, основанный на декомпозиции добавленной стоимости, включает в себя 34 вида деятельности в классификации ОКВЭД, начиная с 1995 г., включает данные об услугах капитала, и мы тоже ждем публикации таблиц «затраты-выпуск» для перехода на более совершенную версию.

Зачем нужен проект KLEMS статистикам? Проект обеспечивает статистикам спрос на их продукцию. Он приучает органы государственной власти к идее, что развитая и качественная статистика способна отвечать на очень важные вопросы для выработки государственной по-

¹ Dale W. Jorgenson, Frank M. Gollop, and Barbara Fraumeni, *Productivity and U.S. Economic Growth* (Amsterdam: North-Holland, 1987).

² Robert M. Solow, “Technical Change and the Aggregate Production Function,” *Review of Economics and Statistics* 39, no. 3 (1957): 312–20.

³ Барт ван Арк, М. О’Махони, and М. Тиммер, «Отставание Европы от США по росту производительности: тенденции и причины», *Экономический Журнал ВШЭ*, no. 1 (2009): 35–58.

⁴ <http://asiaklems.net/>

⁵ <http://www.cepal.org/cgi-bin/getprod.asp?xml=/la-klems/noticias/paginas/4/40294/P40294.xml&xsl=/la-klems/tpl-i/p18f-st.xsl&base=/la-klems/tpl-i/top-bottom.xsl>

⁶ http://www.worldklems.net/data/basic/RUS_wk_JULY_2013.xlsx

литики. Это создает мотивацию для государственных органов выделять ресурсы на совершенствование официальной статистики.

Пользователям экономического сообщества он позволяет лучше узнать преимущества СНС, в том числе последнего варианта – СНС 2008¹, по сравнению с предыдущими версиями. А самим статистикам проект позволяет уточнить дорожную карту. Есть масса проблем, но за какие братья, если статистиков спрашивают про экономический рост?

На сегодняшний день проект позволил продвинуться довольно далеко в понимании экономического роста и в странах ОЭСР², и в странах с переходной экономикой, включая Россию, и страны Азии и Латинской Америки³.

Традиционно KLEMS делается не статистическими органами, а аналитиками в сотрудничестве со статистическими органами. Он основан на официальных показателях СНС, но не подменяет официальную статистику. Методология унифицирована, но при этом, если в некоторых случаях официальная статистка не дает некоторых показателей, мы их досчитываем. Например, для России это касается услуг капитала, затрат труда и отработанных часов в тот период между 1995 г. и 2003 г., когда официальная статистика этого не делала. Мы переходим на ОКВЭД, может, не так точно и аккуратно, как официальная статистика, но все-таки на восемь лет раньше – с 1995 г., а не с 2003 г. Несколько теряя по части точности показателей, мы получаем возможность проводить сопоставления с использованием длинных временных рядов. Если говорить о KLEMS и СНС 2008, я бы сделал упор на концепцию услуг капитала. В СНС 2008 она уже предусмотрена, в российской статистике этот показатель пока не разрабатывается, в системе показателей Russia KLEMS он рассчитан с 1995 г. Хотя можно говорить и о затратах труда. Росстат начинает эту работу, у нас соответствующие расчеты есть, и было бы интересно посмотреть, как одно другому соответствует.

Теперь перейду к результатам. Как все это работает применительно к России? В *табл. 1* представлена декомпозиция темпов экономического роста реальной валовой добавленной стоимости по пяти странам: России; трем странам с переходной экономикой (Чехия, Венгрии и Словения), а также Германии как страны с развитой экономикой. Мы говорим про рыночный сектор – мы исключили такие в основном нерыночные виды деятельности, как образование, здравоохранение, государственное управление. Реальная добавленная стоимость за период с 1995 г. по 2007 г. может быть разложена на вклад от отработанных часов (0,3 п.п.) и производительность труда (4,3 п.п.). Производительность труда доминирует. Это стандартно для всех представленных здесь стран и вообще для постиндустриальных экономик. Однако производительность труда на агрегированном уровне тоже представляет собой сумму компонент. Во-первых, это влияние структурных сдвигов (4,3 п.п.): перетоки работников между отраслями с разными уровнями производительности, и в этом смысле вклад данного компонента в России самый большой по сравнению с другими странами. А также производительность труда, которая растет вследствие внутриотраслевых источников (3,3 п.п.): рост фондовооруженности, способность отраслей снижать издержки, что называется совокупной факторной производительностью, и изменение качества рабочей силы – перераспределение структуры рабочей силы в пользу более производительных групп работников. Или менее производительных. Соответственно, в этом смысле российский рост, как и рост большинства стран с переходными экономиками в этот период – это рост, основанный на СФП. Роль капитала проявляется не так сильно.

¹ System of National Accounts (Brussels, New York, Paris, Washington, 2008), <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008.pdf>.

² Marcel P. Timmer et al., *Economic Growth in Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010).

³ Dale W. Jorgenson, Kyoji Fukao, and Marcel P. Timmer, eds., *Growth and Stagnation in the World Economy* (Cambridge University Press, 2016).

Таблица 1

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ТЕМПОВ ПРИРОСТА ВВП В 1995–2007 ГГ.
В РОССИИ, ЧЕХИИ, ВЕНГРИИ, СЛОВЕНИИ И ГЕРМАНИИ.

Вклад (п.п.)	RUS	CZE	HUN	SVN	GER
Реальная ВДС	4,58	2,65	3,85	3,79	1,60
Отработанные часы	0,32	-0,19	0,41	-0,19	-0,12
Произв. Труда всего	4,25	2,84	3,45	3,99	1,71
Реаллокация	0,98	0,23	0,19	1,23	0,25
Внутриотр. производительность труда	3,28	2,60	3,26	2,76	1,46
Совокупная факторная производительность	2,20	0,72	2,17	0,82	0,69
Услуги капитала на отработанный час	0,89	1,70	0,69	1,49	0,73
Изменение качества рабочей силы	0,19	0,19	0,40	0,45	0,05

Источник: Воскобойников, Капелюшников. 2014. Апрельская конференция НИУ ВШЭ.

Изменение качества рабочей силы, что в некотором смысле отражает вклад человеческого капитала в экономический рост и широко обсуждалось на этой конференции, действительно оказывает вклад в рост (см. последнюю строчку *табл. 1*), но если общий темп экономического роста – 4,6%, то изменение качества рабочей силы для России – лишь 0,2 п.п. И такой вклад в десятые доли процентного пункта, как видно из таблицы, – не только российские реалии, это в общем реалии стран с другими переходными экономиками. При том, что в развитой экономике этот вклад еще меньше: в Германии он составляет лишь 0,5 п.п.

Это не означает, что не следует инвестировать в человеческий капитал, но надо понимать правильно его роль. Прямые инвестиции в человеческий капитал – увеличение образование – это десятые доли процентного пункта в агрегированных темпах экономического роста. Другое дело, что мы можем также ожидать этот вклад в совокупной факторной производительности, потому что образованный человек лучше способен находить идеи, как надо минимизировать издержки и оптимизировать бизнес, но это уже совсем другая задача. Она связана не со стандартной квалификацией, пусть даже высокой, но с повышенной склонностью образованных людей находить нестандартные пути повышения эффективности производства.

Таблица 2.

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ТЕМПОВ ПРИРОСТА ВВП В РОССИИ

Вклад в рост ВДС (п.п.)	1995–2002	2002–2008	2008–2012	1995–2012
ВДС	2,78	6,85	1,03	3,74
Отработанные часы	0,46	0,91	-0,10	0,52
Структура рабочей силы	0,25	0,18	0,22	0,22
Услуги капитала	0,43	2,92	2,53	1,84
ИКТ-капитал	0,21	0,26	0,09	0,16
Машины и оборудование	-0,01	1,68	1,19	0,89
СФП	1,63	2,85	1,61	1,15

Источник: Timmer, Voskoboynikov (2016)¹.

Применительно к российской экономике мы можем смотреть динамику вкладов факторов производства. И мы видим, что, например, темпы роста реальной добавленной стоимости за период до 2012 г. – это вклад отработанных часов, структура рабочей силы, услуги капитала, которые, в свою очередь, могут быть разложены на вклады информационного и коммуникационного капитала, машины и оборудование, здания и сооружения и, наконец, совокупную факторную производительность.

¹ Marcel P. Timmer and Ilya B. Voskoboynikov, “Is Mining Fuelling Long-Run Growth in Russia? Industry Productivity Growth Trends in 1995–2012”, in *Growth and Stagnation in the World Economy*, ed. Dale W. Jorgenson, Kyoji Fukao, and Marcel P. Timmer (Cambridge University Press, 2016).

Что есть экономический рост в России? В первый период – это в основном совокупная факторная производительность в условиях низких цен на нефть. Во второй период, когда появилась возможность говорить об инвестициях, в том числе об инвестициях в нефтегазовый сектор и в услуги низкого уровня потребления, прибавляются еще и услуги капитала, причем в основном за счет машин и оборудования. И, наконец, третий период – период стагнации – это отсутствие роста СФП, прирост затрат труда большой роли не играет, снижение фактора реаллокации и продолжение влияния машин и оборудования и зданий и сооружений. Если мы посмотрим на отраслевую структуру и прирост за счет услуг капитала – это те же самые сектора: нефтегазовый и услуги низкого уровня проработки.

Собственно, KLEMS – это прототип, и было бы хорошо понять, как изменятся эти цифры, когда официальная статистика обеспечит нам более подробную статистическую информацию и более высокий уровень соответствия официальных российских показателей международным стандартам.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

А.Санакоева, РАНХиГС

Р.Семенова, Ассоциация инновационных регионов России

М.Турунцева, РАНХиГС, ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Мы хотим представить критичный взгляд на проблемы патентной статистики в России, в частности с точки зрения статистики возможности ее использования в научных исследованиях.

Статистика патентов (например, число зарегистрированных патентов) является одним из показателей, которые традиционно используются как прокси-переменная для измерения научно-технического прогресса в моделях экономического роста, наряду с показателями, характеризующими интенсивность сферы НИОКР и финансирование этой сферы.

Какие данные есть у нас? Официальная статистика представляется Росстатом и Роспатентом. Длина имеющегося временного ряда – годовые данные с 1993 г. по 2015 г. Для сравнения в США (данные USPTO) имеются ряды с 1960-х годов. Какие показатели мы можем использовать? Это стандартные заявки на выдачу патентов, на изобретения, на полезные модели и промышленные образцы; также данные о выданных патентах и о числе действующих патентов. Все это представлено в «Российском статистическом ежегоднике» Росстата в довольно странной периодизации. В качестве примера (см. *табл. 1*) можно рассмотреть российскую и американскую статистику.

Таблица 1

ПАТЕНТНАЯ СТАТИСТИКА В РОССИИ И В США

	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Подано заявок на выдачу патентов:						
На изобретения – всего	32254	39439	41849	38564	42500	41414
Из них российскими заявителями	23 644	27 505	27 712	25 598	28 722	26495
На полезные модели – всего	9743	10075	10995	11153	12262	13241
Из них российскими заявителями	9082	9588	10483	10728	11757	12584
На промышленные образцы – всего	3917	4823	4711	3740	3997	4197
Из них российскими заявителями	2516	2742	2356	1972	1981	1913
Выдано патентов:						
На изобретения – всего	23390	23028	28808	34824	30322	29999
Из них российскими заявителями	19447	18431	22260	26294	21627	20339
На полезные модели – всего	7242	9757	9 673	10919	10581	11079
Из них российскими заявителями	...	9311	9250	10500	10187	10571

	До 2002	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Всего, США и зарубежье	1341552	167331	169023	164290	143806	173772	157282
США	728141	86971	87893	84270	74637	89823	79526
Зарубежье	613411	80360	81130	80020	69196	83949	77756
Япония	282084	34858	35515	35346	30340	36807	33354
Германия	88966	11280	11444	10779	9011	10005	9051
Южная Корея	20883	3786	3944	4428	4351	5908	6295
Тайвань	26955	5431	5298	5940	5120	6361	6128
Франция	35668	4035	3868	3380	2866	3431	3130
Великобритания	31998	3829	3618	3441	3141	3579	3291
Канада	27892	3431	3427	3374	2894	3572	3318
Италия	14996	1751	1722	1584	1296	1480	1302
Китай	830	288	297	403	402	659	770
Швейцария	13386	1364	1308	1277	995	1201	1035

Можно видеть, что в российской статистике есть «дырки» – отсутствует 2006 г., нет разбивки по странам происхождения патента и, в целом, нет полного временного ряда с 1993 г. В статистике США, начиная с 2002 г., присутствуют полные временные ряды как американским патентам, так и по иностранным – в разбивке по странам происхождения.

Существуют огромные различия в региональной статистике. В России присутствует информация по заявкам и по выданным патентам по регионам. Данные имеются с 2000-х годов в отчетах Роспатента и очень неудобны для сбора. Также данные представлены в «Российском статистическом ежегоднике» в довольно странной периодизации: например, в сборнике 2012 г. присутствуют данные за 2005, 2010 и 2011 гг. Имеются данные в разбивке по фирмам, физлицам, по российским и иностранным заявителям в целом без разбивки на конкретные зарубежные страны.

В США есть статистика с 1964 г. для каждого штата США по всем 26 видам деятельности, по которым собираются данные.

Здесь важно отметить серьезные различия по производственному разрезу: не совпадают виды экономической деятельности, по которым собирается патентная статистика в России и в США (см. табл. 2). Это очень неудобно с точки зрения проведения различных экономических исследований. К примеру, европейская статистика похожа на статистику США, они сопоставимы между собой.

Из таблицы видно, есть некоторые виды экономической деятельности, которые учитываются в обеих странах (например, производство готовых металлических изделий). Есть виды, которые у нас более детализированы, а в США рассматривается укрупненный показатель. Например, в США рассматриваются вместе текстильное производство, производство кожи и т.д. У нас же отдельно выделены текстильное производство, производство одежды, производство кожи и изделий из кожи. Но, с другой стороны, химическое производство в США рассматривается в гораздо более глубокой разбивке – 6 видов. У нас – 2 вида. Компьютерное оборудование и электронные продукты – аналогично.

Есть виды, по которым у нас информация не публикуется, например, полупроводники, измерительные приборы и пр. В нашей статистике нет фармацевтики, аэрокосмического производства, производства транспортных средств и т.д. Зато у нас есть статистика по патентной активности в сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих секторах. У нас есть такой интересный вид деятельности, по которому собирается патентная статистика, – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов.

Таким образом, как уже не раз отмечалось участниками круглого стола, статистика есть, но как-то использовать ее в практических целях, мягко говоря, сложно. Мы не можем, используя эту статистику, проводить международные сопоставления, не можем видеть место России среди других стран просто потому, что у нас нет сопоставимых данных.

В силу бедности нашей региональной патентной статистики, ее отсутствия по видам экономической деятельности мы не можем в принципе понимать, как различаются между собой регионы. Мы конечно понимаем, что одни регионы более инновационные по сравнению с другими, но это понимание на общем уровне – это как с вопросом, высокая или низкая инфляция. Вот на этом уровне мы понимаем, на уровне статистики мы это увидеть не можем никак.

Самое интересное, что в опросниках, которые направляются предприятиям, в принципе вся эта информация есть. В них есть и название региона, и для каждого региона мы можем выделить ОКВЭД, но эта информация почему-то не публикуется. Нам бы очень хотелось, чтобы эта информация стала публичной, это необходимо и для проведения научных исследований, и для мониторинга текущей ситуации. То, что публикуется сейчас, может быть использовано в исследованиях как фактор НТП с очень большой натяжкой, с точки зрения анализа факторов экономического роста публикуемые показатели не отражают ничего. Это – как средняя температура по палате.

Еще один момент. Не хватает данных для оценки степени коммерциализуемости патентов. Необходимы данные, в частности, по числу договоров, по торговле лицензиями и отчуждению прав, выданных в определенные годы в разрезе субъектов РФ, – эта статистика сейчас отсутствует.

Резюмируя все сказанное, очень бы хотелось иметь статистику, которая была бы полезна пользователям, а не статистику как вещь в себе.

Таблица 2

ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДЛЯ КОТОРЫХ СОБИРАЕТСЯ ПАТЕНТНАЯ СТАТИСТИКА
В РОССИИ И США

Статистические данные Роспатента и Росстата	Статистические данные USPTO
Производство пищевых продуктов, включая напитки	Food
Производство табачных изделий	Beverage and Tobacco Products
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	Wood Products
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них Издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	Paper, Printing and Support Activities
Текстильное производство Производство одежды; выделка и крашение меха Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	Textile, Apparel and Leather
Химическое производство	Chemicals (ROLLUP, includes 3251-3259) Basic Chemicals
Производство резиновых и пластмассовых изделий	Resin, Synthetic Rubber, and Artificial and Synthetic Fibers and Filaments Pharmaceutical and Medicines Other Chemical Product and Preparation Plastics and Rubber Products
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	Nonmetallic Mineral Products
Металлургическое производство Добыча урановой и ториевой руд Добыча металлических руд	Primary Metal
Производство готовых металлических изделий	Fabricated Metal Products
Производство машин и оборудования	Machinery
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	Computer and Electronic Products (ROLLUP, includes 3341-3346) Computer and Peripheral Equipment
Производство аппаратуры для радио, телевидения и связи	Communication Equipment
	Semiconductors and Other Electronic Components
	Navigation, Measuring, Electromedical, and Control Instruments

Таблица 2, окончание

Статистические данные Роспатента и Росстата	Статистические данные USPTO
	Other Computer and Electronic Products
Производство электрических машин и электрооборудования	Electrical Equipment, Appliances, and Components
	Transportation Equipment (ROLLUP, includes 3361-3369)
	Motor Vehicles, Trailers and Parts
	Aerospace Product and Parts
	Other Transportation Equipment
	Furniture and Related Products
	Miscellaneous Manufacturing (ROLLUP, includes 3391-3399)
	Medical Equipment and Suppliers
	Other Miscellaneous
	All Industries (ROLLUP, includes all listed NAICS categories)
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	
Добыча каменного угля, бурого угля и торфа	
Добыча сырой нефти и природного газа; предоставлений услуг в этих областях	
Добыча прочих полезных ископаемых	
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЧЕТАХ

А.Татаринев, Росстат

Содержание докладов, представленных сегодня на заседании круглого стола, лишний раз свидетельствует о том, что всех нас, и присутствующих здесь экспертов, и меня (как человека, ответственного за составление национальных счетов), в конечном счете, волнуют одни и те же проблемы.

Первое, о чем больше всего говорилось и что, с моей точки зрения, является самым большим для нас – это статистика производства, которая в России основывается преимущественно на данных статистического наблюдения. В СНС счет производства – это базовый счет, который отражает формирование добавленной стоимости, а на уровне страны – ВВП. Он тесно связан со счетом образования доходов, раскрывающим первичные доходы, которые и составляют добавленную стоимость. Вот этот счет задает начальные условия всей последующей системе связанных между собой счетов. Они фактически определяют то, какими мы видим и направления использования, и процессы распределения и перераспределения стоимости.

Поскольку в самом начале этого заседания говорилось о соотношении различных источников данных, необходимо сказать, что в наиболее развитых странах при составлении национальных счетов во все большей мере используются данные, полученные не из статистических наблюдений, а из административных источников, которые уже заведомо согласованы и не вступают или, по крайней мере, не должны вступать в противоречие между собой. По данным опроса, проведенного ОЭСР в 2016 г. в таких странах, как Бельгия, Финляндия, Франция, Словения, Чили, Мексика, доля административных данных в общем объеме информации, ис-

пользуемой при составлении национальных счетов, превышает 90%. В большинстве стран ОЭСР эта доля превышает 50%.

Но вернемся к статистике производства, к которой больше всего претензий. Центральной проблемой здесь является выбор статистической единицы наблюдения, на которой основывается все построение отраслевой статистики производства так же, как и региональной статистики. В России до сих пор в качестве статистической единицы производства, как правило, используется юридическое лицо, которое по традиции с советских времен считают предприятием. Однако сегодня предприятие и юридическое лицо – это далеко не одно и то же.

Для корректного распределения создаваемой добавленной стоимости по отраслям экономики и регионам страны необходимо использовать в достаточной мере однородную локализованную единицу наблюдения. В СНС в качестве такой единицы рекомендовано заведение – производственная единица, которая находится в одном месте и которая занята только одним видом производственной деятельности или в которой на основной вид деятельности приходится преобладающая доля добавленной стоимости. Заведением может быть целое предприятие или его часть, отвечающая необходимым требованиям однородности.

Важность учета производства в разрезе заведений можно проиллюстрировать на примере компаний с вертикально интегрированной производственной структурой, доля которых в ВВП весьма значительна. В случае отнесения всего выпуска (и добавленной стоимости) этой компании к одному основному виду деятельности в соответствии со стандартами МСОК (Международной стандартной отраслевой классификации) статистика производства может быть искажена. И не только региональная, но и отраслевая, потому что на практике в этом случае существенно занижается доля «нижних этажей» производства.

Вместе с тем, в условиях усложняющейся структуры экономики выделение заведений для корректного формирования отраслей экономики на национальном и региональном уровне требует проведения дополнительного статистического исследования.

Формирование больших производственных групп, состоящих зачастую из сотен зависимых юридических лиц, порождает множество статистических проблем. Например, весь объем добычи полезных ископаемых может быть включен в выпуск юридического лица, владеющего соответствующими лицензиями. Объемы выпуска перерабатывающих видов деятельности во многих случаях относятся к юридическим лицам – собственникам сырья, переданного ими на переработку, если при этом право собственности на него не передавалось фактическому производителю. Это значит, что актов купли-продажи нет, хотя операция физически включает несколько разных юридических лиц. В этом случае производственные единицы, которые являются фактическими производителями, выступают поставщиками услуг по переработке (или добыче), что существенно занижает стоимость их выпуска.

В рамках производственных групп искажение стоимости выпуска часто происходит также в связи с использованием трансфертных цен во внутригрупповых операциях. Это приводит к существенному перераспределению величины валовой добавленной стоимости между отраслями и регионами.

Наконец, большие искажения в распределении добавленной стоимости возникают в связи с широким использованием аутсорсинга факторов производства. Например, в случае аутсорсинга рабочей силы то, что должно входить в состав валовой добавленной стоимости – оплата труда, уходит в другую отрасль. А поскольку за рабочую силу платили как за услугу аутстаффинга, единица-производитель включает этот объем в промежуточное потребление в качестве текущих затрат. То же самое происходит с основными фондами. Если у юридического лица нет собственных основных фондов, потребление капитала может учитываться в добавленной стоимости не той единицы, которая использует этот капитал в производстве, а той, которая предоставила эти основные фонды фактическому производителю на условиях аутсорсинга.

Вместе с тем, валовая добавленная стоимость, создаваемая каждой производственной единицей, должна в полном объеме включать стоимость факторов производства фактически ис-

пользованных данной единицей в производстве товаров и услуг. Соответственно, когда эти стоимости учитываются в выпуске других единиц, это может приводить к искажению отраслевой структуры. Аналогичная ситуация складывается в региональной статистике производства.

Находимся ли мы в России в уникальной ситуации? Конечно, нет. Это происходит во всем мире. В Европе, Северной Америке, в Австралии эту проблему заметили, возможно, раньше – на рубеже 1980 – 1990-х годов. У нас это особенно ярко проявилось в последние 7–8 лет.

Позиция европейских стран в этом вопросе состоит в том, чтобы структурировать производственные группы, разделив их на предприятия, соответствующие всем признакам СНС, а уже затем выделять в их составе заведения. Такая процедура называется профайлингом (профилированием группы). К примеру, Франция перешла на процедуры группового профайлинга в 2008 г., когда была опубликована первая методика профилирования производственных групп, чтобы получить действительное отраслевое распределение производства. Региональные показатели во французских национальных счетах играют вспомогательную роль, а вот распределение производства (выпуска и добавленной стоимости) по отраслям они уже ввели в статистическую практику, хотя методологию все еще продолжают развивать.

У нас в России производственные группы зачастую имеют неформальный характер, и определение их состава требует больших затрат труда. Росстат начал в 2016 г. экспериментальные работы по профилированию некоторых таких групп. Сами предприниматели в большинстве случаев заинтересованы в проведении этой работы. Они хотят иметь реальную картину распределения добавленной стоимости по своим производственным единицам, поскольку предпринимателям важно понимать, где же на самом деле создаются первичные доходы.

Сегодня в выступлениях упоминались термины «вид экономической деятельности» и «отрасль». В настоящее время показатели производства (например, выпуск или валовая добавленная стоимость) публикуются по отраслям, а не по видам экономической деятельности. Отрасль – это, как и было всегда, группа производственных единиц с одинаковым основным видом деятельности. А вид деятельности – это то, чем эти единицы занимаются. В публикациях эти понятия часто путаются, в результате пользователям не всегда понятно, о чем идет речь: это действительно сумма выпусков всех производственных единиц по данному виду деятельности или это все-таки сумма выпусков только тех производственных единиц, у которых данный вид деятельности является основным (отраслевой показатель).

Немного слов о статистическом наблюдении и сроках публикации. Как я уже говорил, во многих странах ОЭСР показатели национальных счетов в значительной мере формируются на основе административных источников, а также преимущественно выборочных статистических наблюдений. У нас ситуация почти противоположная: примерно 2/3 оценок основано на статистическом наблюдении. Мы проводим много статистических наблюдений, особенно в сфере производства. Существует, например, форма оперативного статистического наблюдения П1, ежемесячно представляемая в органы государственной статистики. В рамках централизованной системы сбора и обработки данных (ЦСОД), начиная с текущего года, эта форма поступает напрямую в единую базу данных Росстата, где она сопоставляется с другими поступающими формами.

По действующему регламенту, данные ежемесячных статистических наблюдений должны поступать в ЦСОД на 5-ый календарный день. Экономика РФ достаточно большая, пусть она не самая большая в мире, но только юридических лиц у нас в регистре почти 4 млн. Понятно, что П1 охватывает не весь круг юридических лиц, есть малые, которые сдают отчетность по упрощенной схеме, но собрать П1 – это проблема, и, естественно, на 5-ый день безошибочно отчитаться за крупное и даже за среднее предприятие очень сложно. Поэтому искажения неизбежны, но они корректируются позднее, при представлении данных за следующие месяцы. Колебания в публикуемых индексах физического объема, например, промышленного производства происходят потому, что основания для оперативной корректировки этой статистики

появляются тогда, когда уже накапливаются существенные диспропорции. По окончании же года, когда статистика располагает достаточно полными данными, динамические ряды сглаживаются. Что касается корректировок, то лучше исправить ошибки, если они выявляются, чем продолжать настаивать на первоначальных оценках.

Проблема корректировок и пересмотров макроэкономических оценок стоит не только перед нами. Самые большие корректировки приходятся на период экономических кризисов, характеризующихся высокой волатильностью показателей состояния экономики. Это затрагивает, в первую очередь, квартальные оценки, которые рассчитываются на неполной информации, в значительной мере, с сохранением сложившихся тенденций. Например, в США квартальные оценки индекса физического объема ВВП с III кв. 2008 г. по II кв. 2009 г. (т.е. за 4 квартала) менялись несколько раз. Показатели статистики государственных финансов в странах ЕС окончательно публикуется только через 2,5 года. Это связано с необходимостью окончательной корректировки всех операций госбюджета с учетом, например, возвратов.

Считаю, что в целом сегодняшнее обсуждение было весьма полезным и благодарю всех за внимание. ●